

ВОПРОС О ПАТРИОТИЗМЕ В РУССКОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В русском сознании времени Первой мировой войны выделяются три идейные установки — неославянофильская, неозападническая и марксистская, — различно толкующие основания патриотической самоидентификации личности. Рассматривается содержание дискуссии о сущности национального чувства, состоявшейся в журнале «Русская мысль» в 1915–1917 гг. Делается вывод о субъект-объектной природе патриотического сознания.

Ключевые слова: национализм, патриотизм, христианство, война, марксизм, личность, государство, Родина, Бердяев Н. А., Ленин В. И., Муретов Д. Д., Плеханов Г. В., Струве П. Б., Трубецкой Е. Н.

A. A. Ermichev

Patriotism in Russian thought during the beginning of World War I

There are three major ideologic attitudes distinguished in Russian public mind of World War I: neo-slavophilism, neo-westernism and Marxism. Each of three provided different interpretation for the grounds of patriotic self-identification. The author analyses the discussion about essence of the patriotic sentiment («Russian thought» magazine, 1915–17 yrs) and infers the subject-object nature of this essence.

Keywords: nationalism, patriotism, Christianity, War, Marxism, personality, state, Motherland, N. A. Berdyaev, V. I. Lenin, D. D. Muretov, G. V. Plekhanov, P. B. Struve, E. N. Troubetzkoy.

I

Объявление Германией войны России 1 августа 1914 г. было встречено русскими с огромным патриотическим возбуждением. В Петербурге народ преклонил колени перед императором и с удовольствием разгромил германское посольство. В Думе левый П. Н. Милюков братался с правым В. М. Пуришкевичем. Мировая война стала постоянной темой русской мысли, вдохновляя ее на новые философские, историософские и культурфилософские обобщения.

* Ермичев Александр Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры философии РХГА, 7723516@gmail.com

Это было трудное для России время. Росла промышленность, земля переходила в руки крепких крестьян, развивалась кооперация. Но тогда же обострялись социальные противоречия, консолидировалась оппозиция и готовила внедумские выступления. Мог повториться 1905 г. Война временно притушила разгоравшийся огонь революции.

К 1914 г. значительно изменился культурный и идейный ландшафт страны. В общественном сознании внятно обозначились неославянофильские и неозападнические установки, вдохновляемые идеалами — в первом случае — христианского гуманизма, а во втором — секуляризированного, светского гуманизма. Предложенное деление не нужно абсолютизировать. Такое образование, как петроградское «новое религиозное сознание», использовало ценности названных установок в зависимости от возникших теоретических или практических задач.

Тем не менее, учитывая эту поправку, можно говорить, что в русском сознании обозначились два экстремальных социокультурных проекта. Один из них вызревал в русском духовном ренессансе, который видел будущую Россию христианской объединительницей народов, великим Востоко-Западом, новой Александрией, на этот раз — славянской. Второй экстремальный проект принадлежал социалистическим партиям: они знали, что социализм является лучшим способом разрешения вековых русских проблем, а большевики даже подумывали о мировой социалистической революции.

Сторонники первого проекта оценили войну как знамение свыше, а вторые говорили о ней как о естественном и даже необходимом продукте досоциалистической истории.

В общественном сознании России наметилось три подхода в осмыслении феномена патриотизма или национализма. При первом из них патриотизм/национализм рассматривался как способ самоидентификации народа по религии и вере; при втором — самоидентификация покоилась на секулярных основаниях — на культуре и общественности. Но тогда же определился третий подход. Он не мог не возникнуть в стране, давно заболевшей освободительным движением. «Впрочем, — заметила однажды З. Н. Гиппиус, — не обошлось и без нашего “русского” вопроса: желать ли победы... самодержавию? Ведь мы вечно от этой печки танцуем (да и нельзя иначе, мы должны!)» [6, с. 385]. С 1915 г., в связи с первыми военными поражениями, обнаружившими тотальную неподготовленность государственного аппарата к экстремальным условиям, этот вопрос снова возник в русской жизни, но в совершенно необычной и радикальной форме. Одна из социалистических групп — большевики, догматически восприняв марксистское учение о классах и классовой борьбе, настаивали на первостепенном значении единства людей по классовому признаку, отрицая традиционный национальный патриотизм. При этом национальное не отрицалось, но свою ценность обретало лишь в подчиненной сопряженности с классовым. Правильно было любить *социализм* и только в связи с ним — социалистическое *отечество*.

Во всех случаях мы имеем дело с развитым, серьезным патриотическим сознанием, представлявшим Родину сложным образованием, в форме некоего прочного сплава прошлого, будущего и настоящего. Очень точно сказал об этом С. А. Аскольдов:

...Россия, понимаемая не в плоскости исторического феноменализма, а в ее национальном бытии есть не только то, чем она была, но и то, что она будет. И только ценностью этого «было» и «будет», которое в то же время составляет ее мистическое «есть», оправдывается ее кровавая жертва [1, с. 2].

II

Религиозный подход преимущественно был свойственен москвичам из Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева и книгоиздательства «Путь». Москвичи-неославянофилы придерживались установки, выраженной в их программном документе — в предисловии к «Сборнику первому. О Владимире Соловьеве». Здесь утверждалось, что «общая религиозная задача России и ее призвание» заключаются в том, чтобы «послужить в мысли и в жизни всестороннему осуществлению вселенского христианского идеала» [16, с. 3]. Эта установка только упрочилась в военные годы. Правда, в связи с тем, что Россия оказалась в союзе с Англией и Францией, некоторым москвичам — в частности В. Ф. Эрну — пришлось откорректировать свой славянофильствующий антиевропеизм и ограничить его нападки на Германию.

Московские мыслители, воодушевляясь потенциальной мощью России и сознавая, что с войной она *in actu* становится мировой державой, иногда сбивались с миссионизма на messiанизм. Например, Н. А. Бердяев в статье «Положительный и отрицательный национализм» (1916) пишет о патриотизме как о «творческом национализме» и заключает: он-де

не может ограничиваться задачей созидания национальной культуры, духовной и материальной, он неизбежно переступает свои границы и соприкасается с национальным messiанизмом. Так было, например, у Фихте в Германии, так было у славянофилов, Достоевского, Соловьева, которые не могут быть названы националистами в строгом смысле этого слова [4, с. 230].

Претензии на messiанизм корректировал Е. Н. Трубецкой; он верит в религиозное призвание России, но не решается назвать русских народом-богоносцем [См. об этом 8, особенно гл. I и II, с. 148–159].

Уже на второй день войны Е. Н. Трубецкой в газете «Русские ведомости» публикует статью «Патриотизм против национализма». Всегда уверенный, что прочность человеческому общежитию придастся религией, связью с Безусловным, мыслитель подчеркивает историческое призвание России скорее ссылкой на особенности ее истории и географии. Потому, что русские — христиане, а еще и потому, что русский народ

проникнут прежде всего чувством необъятной широты и величия русской родины, в которой есть место для объединения великого многообразия племен. И в этой сверхнародности русского патриотизма, в этой его преданности целям не узконациональным, а общечеловеческим — надежда других народов. Призвание России — быть освободителем народов. Оно навязывается ей силой исторической необходимости... [22, с. 9]

Русский патриотизм — сверхнациональный, сверхнародный — Е. Н. Трубецкой противопоставил немецкому национализму с его стремлением к господству над иными народами.

Той же самой исторической необходимостью Е. Н. Трубецкой обосновывал русский интерес к положительному вопросу о Константинополе и о проливах:

Всеми сторонами нашей жизни мы с ним (то есть с вопросом о Константинополе. — А. Е.) связаны. Это для нас — вопрос и о нашем хлебе насущном (здесь имелись в виду Босфор и Дарданеллы. — А. Е.) и обо всем нашем политическом могуществе (Царьград в славянском мире. — А. Е.) и о нашей культурной миссии и о самом духовном Я России» [23, с. 3].

И ведь так полагал нее он один, а вся мыслящая Россия — от консерваторов до либералов!

Идея сверхнационального русского характера не была новой и давно имела свою формулу, предложенную Достоевским. Она позволяла делать широкие историко-социальные обобщения. Например, Н. А. Бердяев пишет о России как Великом Востоко-Западе.

III

В конце XIX — начале XX вв. Россия как будто признала свою некультурность и с готовностью пошла на выучку к капитализму. Европеизация, культивирование всех сфер ее жизни — от промышленности и земледелия до политических институтов становились все более заметны. Даже славянофильствующий «духовный ренессанс» зарождался в лоне русского европеизма. Идея культуры становилась одной из главных в отечественном сознании. Быть может, ориентированные на ценности культуры идейные течения и институты следует назвать неозападническими. Выдающимися репрезентантами нового западничества в соответствии с русскими культурными традициями стали преимущественно петербуржцы — Религиозно-философское общество, редакции журналов «Русская мысль» и «Северные записки». Случилось даже так, что последний русский том неозападнического «Логоса» в 1914 г. был издан не в Москве, а в Петербурге.

Журнал «Русская мысль» по праву играл доминирующую роль в формировании сознания либеральной веховской интеллигенции. Идейным руководителем его редакции был П. Б. Струве, который, по его собственному признанию, любил европейскую культуру как «солнце, тепло и чистый воздух». Неозападник и патриот П. Б. Струве вместе со своим другом С. Л. Франком сохранял и поддерживал идеологическую линию издания. То была линия национального либерализма, формулу которого П. Б. Струве предложил в статье 1901 г. «В чем же истинный национализм?»

По его соображениям, истинный национализм — он же — патриотизм — заключается в том, чтобы желать Родине лучшего и способствовать его нарастанию. Лучшим же всегда является либерализм, т. е. «признание неотъемлемых прав личности» «на свободное творчество и искание, создание и отвержение целей и форм жизни» [19, с. 30]. Отныне национальный либерализм навсегда остался идейным стержнем социально-политического поведения П. Б. Струве, что разумеется, не исключало новых пояснений этой концепции и ее развития в духе либерального консерватизма. Наиболее существенные из них были предложены в статьях «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества» (1908) и «Великая Русь и Святая Русь (1914). Здесь раскрывались новые содержания патриотического сознания П. Б. Струве, а именно: выделение национально-культурного значения государственности, личной ответственности за историю, осознание православных оснований русской культуры. Но эти дополнения и пояснения ни на йоту не ослабили верность П. Б. Струве «национальному европеизму» или «национальному строительству на общечеловеческих началах». «...Меня, старого западника на... славянофильской мякине не проведешь. Я — западник и потому — националист. Я — западник и потому — государственный» [20, с. 74].

Другим центром неозападничества в Петрограде было Религиозно-философское общество. Проблемы войны занимали внимание петроградцев весь сезон 1914/1915 г. С докладами выступали ведущие идеологи петроградского неохристианства — З. Н. Гиппиус, А. А. Мейер, Д. С. Мережковский и яркие философы — С. И. Гессен и Д. М. Койген.

Позиция петроградцев в отношении происходивших военных событий значительно отличалась от позиции москвичей. В прениях по докладам были отвергнуты, с одной стороны, «проповедь старого славянофильства», которую на одном из заседаний предложил С. М. Соловьев, а с другой — выдвинутое Г. А. Василевским обвинение немецкого протестантизма в отрицании действительности. Самым существенным было то, что петроградцы категорически выступили против религиозного оправдания войны. Первое заседание военного сезона 24 октября А. А. Мейер и Д. С. Мережковский посвятили обличению «религиозной лжи мессианизма», накрепко, по их мнению, связанного с империализмом, а на втором, 5 ноября, З. Н. Гиппиус в докладе «История в христианстве» провела резкую черту между христианством и войной. Все они исходили из бесспорного для всех христиан тезиса об абсолютной ценности личности, человеческой жизни.

В своем дневнике Гиппиус изложила сокровенную мысль доклада: «Должно каждому данному часу истории говорить “да” или “нет”. И, сегодняшнему часу я говорю, со дна моей человеческой души и человеческого разума — “нет”... И войне я скажу: никогда нельзя, но уже никогда и не надо» [6, с. 387]. Из окна квартиры на Шпалерной она видит ликующую толпу православных петроградцев и рассуждает о том, что христианские истины только постепенно обнаруживают себя в истории. Возрастание культуры когда-нибудь приводит к пониманию всеми того, что сегодня понимают немногие.

Уместно напомнить, что свою позицию З. Н. Гиппиус подтвердила в эмиграции, в 1925 г., когда она оценивала знаменитую книгу И. А. Ильина «Сопrotивление злу силою»: «Насилие есть насилие, убийство — убийство, и доказать, что с христианской точки зрения оно не “грех”, а какая-то “негреховная несправедность” нельзя, сколько не старайся» [7, с. 353].

В Петроградском РФО «культурническую» линию в еще более чистом виде продолжил неокантианец, ученик Г. Риккерта и руководитель русского журнала «Логос» С. И. Гессен. В феврале 1915 г. он выступил с докладом «Идея нации». Он говорил об истинном патриотизме и находил, что таковой реализуется в совместной работе по осуществлению общечеловеческих ценностей в национальной жизни. Постепенно эти последние становятся фактом национальной жизни и включаются уже в национальную традицию. Тогда же, между прочим, обнаруживает свою несостоятельность альтернатива национализма и космополитизма.

Многие неозападники тоже не были против империалистических вождедений в войне. Босфор и Дарданеллы манили их так же, как и москвичей. В рамки культурнической установки хорошо вписалась идея Третьего, славянского Возрождения, проповедуемая петербуржцами Ф. Ф. Зелинским, И. Ф. Анненским и Вяч. Ивановым. В Москве эту идею подхватил и основательно разрабатывал А. К. Топорков, который тогда же сотрудничал с петроградским журналом «Северные записки».

IV

Европейская социал-демократия, следуя решениям Штутгартского и Базельского конгрессов II Интернационала, могла бы предотвратить мировую бойню, но не сделала этого. В связи с этим и русские социалисты оказались в трудном положении. Одни никак не могли определиться, «желать ли победы самодержавию», другие сразу стали оборонцами. Третьи хотели превратить начавшуюся империалистическую войну

в гражданскую — за социализм, чтобы прекратить всяческие войны вообще. Среди этих последних выделялись своей сплоченностью большевики. Еще на Штутгартском конгрессе II Интернационала (1907) в резолюцию об антимилитаризме, предлагавшую в случае войны поднять против нее рабочих (забастовки и проч.) В. И. Ленин вместе с Р. Люксембург и Ю. О. Мартовым внес существенную поправку. Согласно поправке европейская социал-демократия должна была «не только бороться против возникновения войн или за скорейшее прекращение уже начавшихся войн, но и за то, чтобы использовать создаваемый войной кризис для ускорения падения буржуазии» [10, с. 72]. Истоки такой поправки нужно искать в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, а ее дальнейшее развитие — в политической практике В. И. Ленина и его соратников по превращению империалистической войны 1914 г. в войну гражданскую.

В российской социал-демократии самым заметным представителем «оборончества» стал Г. В. Плеханов; В. И. Ленин наиболее ярко и грубо выражал позицию пораженцев-интернационалистов. Но оба политика были уверены, что они стоят на страже интересов рабочего движения в России.

Г. В. Плеханов полагал, что подобно тому, как «тагарское иго замедлило наше экономическое, а с ним и культурное развитие», вызвав к жизни самодержавие, так и «немецкая победа остановит наше экономическое развитие, положит конец европеизации России и увековечит этот старый порядок» [12, с. 70–71]. Победа России в этой войне нисколько не поможет самодержавию потому, что борьба с внешним врагом в значительной степени пробуждает самодеятельность трудящихся масс. Царизму будет нелегко справиться с теми силами, которые благодаря войне выдвинутся на нашу историческую сцену. Близкие Г. В. Плеханову социал-демократы-оборонцы — В. И. Засулич, А. Н. Потресов и др. в 1916 г. выпустили сборник «Самозащита», широко обсуждавшийся в печати. В этом сборнике они — по справедливым словам Н. А. Бердяева — «делают усилия доказать, что защита России не нарушает марксистского благочестия» [3, с. 183].

Напротив, антогонист оборонцев В. И. Ленин показывал, что «марксистскому благочестию» более соответствует желание военного поражения самодержавия. В этом и выражается настоящая любовь к Родине. «Чуждо ли тем, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину...» [11, с. 107] — писал В. И. Ленин в статье 1914 г. «О национальной гордости великороссов». Но любовь Ленина и ленинцев — особенная. Будучи правоверными марксистами, они на первое место в своем отношении к действительности ставят классовый подход. Тогда их любовь к Родине выступает чем-то вторичным от социально-классового анализа российских реалий. Они прежде всего любили Истину — социализм, потом — трудящихся, и особенно пролетариат как носителя Истины, и только потом — родину, которая представала пространством социального и культурного творчества трудящихся масс или 9/10 населения страны. Теперь в триедином образе России — прошлого, будущего и настоящего — все стало особенным. Из прошлого ценится все, что способствовало пробуждению масс, — наследие Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х гг. XIX в. Будущая Россия виделась демократическим и социалистическим союзом равноправных народов. Однако главным для ленинцев было настоящее, а таким настоящим была жизнь революционного класса великорусской нации, которая уже преподает человечеству «великие образцы борьбы за свободу и социализм». Для народника

и гуманиста В. И. Ленина Родина — это такие трудящиеся, которые не хотят быть рабами, а отвоевывают свободу — для себя и для всех.

Вывод большевистского вождя был однозначен: «Интерес... национальной гордости великороссов совпадает с *социалистическим* интересом великорусских (и всех иных) пролетариев» [11, с. 110]. Естественно, что войну 1914 г., которую некоторые публицисты назвали Второй Отечественной, В. И. Ленин назвал «ложно-национальной».

Абсолютизация классового подхода к столь тонким материям, как национально-культурное бытие или патриотизм, и неверна, и опасна. О классовой любви к родине — что у оборонцев, что у интернационалистов — Н. А. Бердяев с укоризной замечал:

...Неужели родину не следовало бы защищать, если бы это не было полезно для международного социализма и для рабочего класса? Неужели допустима любовь к родине лишь в меру ее полезности для пролетариата? Это все равно, что допустить любовь между мужчиной и женщиной потому лишь, что это способствует повышению умственного образования, или полезно для физического развития людей [3, с. 183].

V

«Есть разные способы любить свое отечество...» — писал в свое время П. Я. Чаадаев, а названные выше три разных патриотизма прямо-таки понуждали к решению вопроса о природе любви к родине. Н. В. Устрялов, ученик П. Б. Струве, который потом из-за любви к родине станет сменовеховцем, пояснял:

Каждый мыслящий человек стремится так или иначе осознать, осмыслить — выработать определенную *теорию патриотизма*. Что такое любовь к отечеству, где ее корни, в чем ее смысл? Каким образом ее познать и должно ли ее оправдать или осудить? Если она подлежит оправданию, то в какой форме и в каком отношении? Как возможен истинный национализм? [25, с. 9].

Знания о ценностной сущности патриотизма углубила дискуссия о его природе, состоявшаяся на страницах журнала «Русская мысль» в 1915–1917 гг. Дискуссия началась с выступлений Д. Д. Муретова «Правда нашей войны» (№ 6 за 1915 г.) и «Этюды о национализме» (№ 1 за 1916 г.) Непосредственное участие в ней приняли П. Б. Струве, Е. Н. Трубецкой и Н. А. Бердяев. На нее откликнулись В. В. Розанов, М. О. Гершензон, Д. М. Койген, Н. Ф. Сумцов. В «Проблемах Великой России» выступили Н. В. Устрялов и А. М. Ладыженский.

Зачинщик дискуссии Д. Д. Муретов выступил с двумя утверждениями, которые дополняли одно другим, образуя авторскую позицию. Первое утверждение определилось еще 5 февраля 1916 г. на заседании Петроградского Религиозно-философского общества, когда обсуждался доклад С. И. Гессена «Идея нации». Д. Д. Муретов говорил: патриотизм или национализм «допускает право уединенной интимной любви, которая не может входить в предустановленную мировую гармонию».

Русский патриот, — продолжал он, — отстаивает свое право сказать: немецкая культура выше, народ лучше нашего, но я сохраняю за собою право своей индивидуальной любви к своему народу; своей привязанности к данной культурной индивидуальности я не хочу и не могу уступить [13, с. 126].

Природа, основа и сущность патриотизма — это только простая любовь к своему народу, которая не нуждается ни в доказательствах, ни в оправданиях; она — почти физиология нормального человека, его действия в мире. Такая любовь есть не что иное, как платоновский Эрос, вынуждающий людей на творчество культуры. Национальный эрос — это гений народа.

Другое утверждение Д. Д. Муратова — об определяющей роли Эроса в истории и культуре. Благодаря Эросу возникает единство людей, возникает народность как историческая личность — уникальная и присутствующая в народе в каждый данный момент. Для каждого отдельного человека народность выступает ценностью его существования, что как раз и образует нужное единство.

Подобные сюжеты не были в новинку для русского слуха. Но дальше у Муратова следовали иные рассуждения, обнажившие опасности патриотического сознания. Автор уверял, что «ради великой любви к своей родине» и «веры в ее назначение» человек может принять на себя некий грех, некое преступление против морали. Сам Муретов был грешен против украинского национализма. Дело в том, что в решении этого вопроса Д. Д. Муретов был сторонником П. Б. Струве. Этот последний, считая, что русские еще только становятся нацией, складываясь из множества населяющих Россию народов, видел в великой русской культуре основу такого процесса. Поэтому его пугал пробуждавшийся украинский культурный сепаратизм. В этом духе Д. Д. Муретов стал рассуждать о национализме большого и малого народа. Украинский малый национализм — поучал он — возводит ничтожные языковые и иные культурные отличия своего бытия на уровень особого национального сознания. Эти претензии, по Муратову, не выдерживают никакой критики. Мы не позволим — грозил автор, — чтобы часть русского народа, а именно украинцы, читали бы Пушкина в переводе на «мову».

Сразу по выходе первого номера «Русской мысли» с «Этюдами», 10 февраля, Муретову дает отпор защитник украинской культуры Н. Ф. Сумцов. Статья его называлась «Этюды по человеконенавистничеству». «Разделение национализма на великий и малый — говорилось там, — не выдерживает ни малейшей критики. Где взять мерилло? И какое? Фунты? Пуды? Аршины? Версты? Национализм по своей внутренней сущности исключает возможность количественного определения» [21, с. 3].

С такой схватки собственно и началась упомянутая дискуссия в «Русской мысли». Оппонент Д. Д. Муратова Е. Н. Трубецкой отстаивал христианский патриотизм, руководимый нравственным законом. Позицию своего противника он однозначно именуется «новым язычеством» и аморализмом — очень опасным практически, так как ссылкой на национальный эрос легко оправдать любой «зоологический национализм», любое человеконенавистничество. Е. Н. Трубецкой не принял муратовское уподобление патриотической любви чувству к любимой женщине. Он полагает что в любви к родине есть «нечто объективно должное»:

Родина нам мать, а вовсе не возлюбленная, ибо мы ее не избираем, а от нее рождаемся; и наше отношение к ней именно отношение любящих сынов, а не любовников.....Любовь к родине, в отличие от эроса, не могущего быть обязанностью, есть нечто объективно должное и притом, безусловно должное [24, с. 81].

В. В. Розанов, откликнувшийся на дискуссию несколькими «анти-Трубецкими» статейками, защищал Д. Д. Муретова. Он справедливо указал на абстрактный характер нравственного закона, замечательно подчеркнул многообразие и богатство

жизни, когда ее ситуации не могут уложиться в прокрустово ложе категорического императива, и... и нескрываемо оправдал возможные формы его нарушения в «чаду войны». Больному можно и даже нужно солгать — это ли не аксиома реальной жизни? — восклицает В. В. Розанов и добавляет: что может быть «всеобщее и безусловное» жизни человека, стоящего перед направленным на него штыком? Приходите, немцы, и забирайте голыми руками всех... [15, с. 327].

Так в полемике открылась ее режущая острота, когда вдруг в противоречии сошлись любовь к Родине и требования морали. Участники дискуссии стали согласовывать эти ценности.

На вопрос о соотношении этики и патриотизма оригинально отвечал Н. В. Устрялов. Исходя из платоновского «эрос есть рождение в красоте» и следуя все-таки Д. Д. Муретову, он находит, что Родина есть «эстетическая категория».

И здесь, быть может, — уверяет Н. В. Устрялов — в результате исследования придется придти к убеждению, что красота конкретно осуществляет, но вместе с тем творчески дополняет, «исправляет» нормы отвлеченного добра. В случае разлада между всеобщим законом этики и конкретным императивом эстетического порядка нужно отдать предпочтение последнему — «начало Красоты выше и “окончательнее” нежели начало Добра» [25, с. 12].

Ценностный антиолизм, обнаруженный в дискуссии, понуждал ее участников прикоснуться к вопросу о сорасположенности ценностей, их стереометрии. Н. А. Бердяев тоже видел, что жизнь богаче морали. Он замечает, что во имя морали иногда попираются ценности культуры, как, например, в толстовстве. Он полагает, что жизнь заполнена конфликтами ценностей, расположенных не рядом на шкале добра и зла, а совсем по-иному. Любовь к Родине и мораль — думает Н. А. Бердяев — это различные ценности. Затем автор «Смысла творчества» говорит:

В земной человеческой жизни нет предустановленной гармонии ценностей, она полна трагических конфликтов совсем не морального порядка. Абсолютная гармония ценностей есть лишь в глубине божественной жизни. Но, возможно, что трагический конфликт есть и в самой божественной жизни и что им порожден весь мировой процесс с его болью [2, с. 46–47].

Поддержал Д. Д. Муратова П. Б. Струве. Уверенный в том, что «исторические задачи и пути народов и государств не могут быть рассматриваемыми с точки зрения хотя бы и самых возвышенных начал индивидуального поведения» [17, с. 96], он говорит о каком-то «высшем голосе, приказывающем нам безропотно приносить величайшие жертвы, бессмысленные и нетерпимые с точки зрения индивидуального разума» [17, с. 96]; все это порождает в человеке «столкновения и борения», «более глубокие и более мучительные, чем простые конфликты различных нравственных обязанностей» [18, с. 101].

Но Е. Н. Трубецкой упрямо стоял на категорическом императиве, полагая его проявлением Божественной воли и справедливости, настаивая на моральном суде над историей:

...Вся суть моих воззрений на национальную политику сводится к тому, что есть сверхнародная правда над народами, что у народов есть права, которые не должны быть попираемы другими народами, что нужно уважать духовную личность каждого данного народа, что народы не должны глотать живьем друг друга как звери [24, с. 88].

Е. Н. Трубецкой тоже видит, что патриотический долг может вступить в противоречие с индивидуальной этикой. Увы! Антиномия закона и благодати снята только в Евангелии, а не на земле; на земле же Е. Н. Трубецкой видит только человека, раздавленного мучениями совести.

Обращаясь к утверждениям о какой-то существующей вне человеческой морали, но якобы исторически оправданной претензии государства и государственности на управление человеком (чем злоупотреблял П. Б. Струве), Е. Н. Трубецкой пророчески предупреждал о соблазне «грядущего рабства»:

Государственная необходимость, возведенная в безусловный принцип, действительно может оправдать самые невероятные, самые неприемлемые для индивидуальной совести жертвы. Приходится ради нее отказаться от самой совести и притом не только в области этики социальной! [24, с. 89]

В споре приняли участие сторонники «культурнического» обоснования патриотизма — москвич М. О. Гершензон и недавно ставший перербуржцем Д. М. Койген.

М. О. Гершензон выступил в духе своей статьи в «Вехах» «Творческое самосознание», в которой он призывал интеллигенцию к самовоспитанию. Он осознает опасность националистического безумия, но патриотизм не должен превращаться в самостоятельный орган управления нашей жизнью. Нужно просто серьезно и ответственно работать над разрешением различных задач, возникающих перед обществом. Это — главное, и только к этому может и должен «нечувствительно примешиваться» патриотизм. Будем воспитывать бушующие в человеке стихийные силы, и тогда приблизимся к их гармонии. Станем здоровыми и сильными. Здоровая нация не говорит о национальном эресе [5].

Д. М. Койген тоже против преувеличенных оценок социального и культурного значения национального эроса. Для него эрос — это только предпосылка культуры. Но в культуре народ обнаруживает себя только в сотрудничестве с другими народами и при этом так, чтобы создаваемое народом имело «общегодную ценность».

Пока Муретов и ему подобные не станут на точку зрения духовного и морально-политического соревнования народов, его «национальную» эротику придется отнести к той же области, где покоятся нездоровые мечтания Достоевского *et tutti quanti* [9, с. 2].

* * *

«Любить Россию, если действительно — то нельзя, как Англию любит англичанин. Тяжкий молот наша любовь — настоящая», — так выдохнула З. Н. Гиппиус [6, с. 385]. Такие слова ее полновесно подтверждаются всей историей русской мысли — от Котошихина, Чаадаева и Печерина вплоть до сегодняшних ненавистников России. Разумеется, трудно любить страну с такой трудной историей — как бы не уговаривал нас Розанов. И все же хочется принять слова Василия Васильевича: ее, Родину, «мы должны любить именно когда она слаба, мала унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша “мать” пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, — мы и не должны отходить от нее...» [14, с. 299]. Но предположим, что участники дискуссии приняли бы эту максиму; наверное, истинная любовь к родине может быть только такой, а не иной... Вопрос-то все равно остается: — *как любить?*

Дискуссия об истинном национализме блистала именами выдающихся участников и россыпью богатых идей, но теоретическая ее результативность невелика. Пожалуй, участники дискуссии были согласны между собой только в одном, полагая патриотиз-

мом деятельную любовь к Родине, вдохновляемую каким-то идеалом. Такой бедный знаменатель можно было предугадать — обсуждаемый вопрос — совсем не из тех, которые разрешаются теоретически.

Есть что-то правильное в том, что последние страницы дискуссии пришлось на январь 1917 г. Потом пришел Февраль, а за ним — Октябрь и существование двух России. Совершенно не интересуясь, правильно или нет то или иное теоретическое разрешение вопроса о патриотизме, окончательно разрешает его сама жизнь, и, с точки зрения многих умных людей, жизнь совершенно неправильная. Дело в том, что патриотизм принадлежит к числу субъект-объектных отношений. Именно поэтому он снова и снова возникал — и в СССР, и в русском зарубежье, и в постсоветской России. Ясно, что патриотизм — это жизнь в истине. Но кто знает истину?

Что касается теорий патриотизма, то в них мы находим лишь односторонние или даже искаженные воспроизведения каких-то жизненных ситуаций. История теории тоже важна. Она не научит не ошибаться, но чему-то научит.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С. А. Отзвуки славянофильства в годы войны // Русская мысль. — 1916. — № 3.
2. Бердяев Н. А. К спору между князем Е. Н. Трубецким и Д. Д. Муретовым // Русская мысль. — 1916. — № 8.
3. Бердяев Н. А. Об оправдании любви к отечеству // Бердяев Н. А. Футуризм на войне. Публицистика Первой мировой войны. — М., 2004.
4. Бердяев Н. А. Положительный и отрицательный национализм // Бердяев Н. А. Футуризм на войне. Публицистика Первой мировой войны. — М., 2004.
5. Гершензон М. О. Спор о национализме // Биржевые ведомости. — Петроград, 1916. — 16 ноября. № 15927.
6. Гиппиус З. Н. Дневники: В 2 т. — Т. 1. — М., 1999.
7. Гиппиус З. Н. Меч и крест // Современные записки. — Париж, 1926. — Кн. 27.
8. Голлербах Е. А. К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. — СПб., 2000.
9. Койген Д. М. Об оргиазме в национализме // День. Петроград. — 1916. — 9 мая. № 126.
10. Ленин В. И. Международный Социалистический конгресс в Штутгарте // Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 16.
11. Ленин В. И. О национальной гордости великороссов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 26.
12. Плеханов Г. В. О войне. 5-е изд. — Пг., [Б. г.].
13. Религиозно-философское общество в Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах. — Т. 3: 1914–1917. — М., 2009.
14. Розанов В. В. Опавшие листья. Короб первый // Розанов В. В. Уединенное. — М., 1990.
15. Розанов В. В. Князь Е. Н. Трубецкой и Д. Д. Муретов // Розанов В. В. Собрание сочинений. В чадю войны. Статьи и очерки 1914–1918 годов. — М.; СПб., 2008.
16. Сборник статей о В. Соловьеве С. Булгакова, В. Иванова, князя Е. Трубецкого, А. Блока, Н. Бердяева, В. Эрна. — Брюссель, 1994.
17. Струве П. Б. По поводу спора кн. Е. Н. Трубецкого с Д. Д. Муретовым // Русская мысль. — 1916. — № 6.
18. Струве П. Б. Национальный эрос и идея государства // Русская мысль. — 1917. — № 1.

19. Струве П. Б. В чем же истинный национализм? // Струве П. Б. Избранные сочинения. — М., 1999.
20. Струве П. Б. Спор с Д. С. Мережковским // Струве П. Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. — М., 1997.
21. Сумцов Н. Ф. Этюды по человеконенавистничеству // Южный край. — Харьков, 1916. — 10 февраля. № 13198.
22. Трубецкой Е. Н. Смысл войны. — Вып. 1. — М., 1914.
23. Трубецкой Е. Н. Национальный вопрос, Константинополь и Св. София. Публичные лекции. — М., 1915.
24. Трубецкой Е. Н. Государственная мистика и соблазн грядущего рабства. По поводу статей П. Б. Струве и Н. А. Бердяева // Русская мысль. — 1917. — № 1.
25. Устрялов Н. В. К вопросу о сущности национализма // Проблемы Великой России. — 1916. — 10 (23) декабря. № 18.